

Играем в Голливуд: все мы сегодня — шлягеристы

— Сегодня многие люди, особенно из мира музыкально-го, стремятся стать людьми эфира, в первую очередь телевизионного. В последнее время я наталкиваюсь на вас в эфире чуть ли не еженедельно. Вы тоже не прочь показаться на экране или же этот телевизионный период в вашей жизни случаен?

— Вероятно, я уже дошел до того возраста и положения, когда людям стало интересно со мной общаться.

В нашей стране это нередкое явление, когда интерес к человеку возникает поздно. Иногда — после его смерти. Мне еще повезло, ко мне пришли чуть раньше. Конечно, я был бы более счастлив, если бы это шевеление вокруг моей персоны возникло десяток лет назад. Но тогда нужно было быть человеком партии, человеком карьеры, чего за мной никогда не водилось.

Есть и другая сторона у этой медали. В 91-м я махнул в Америку и прожил три-четыре года между двух берегов. Это, что греха таить, тоже вызывает дополнительный интерес. К сожалению, Россия в области массового сознания и во многих других сферах так и осталась Россией петровских времен.

Кроме того, с телевидением меня связывает российско-американский телепроект, которому я посвятил два года жизни. Но этот проект требовал достаточно много сил и вложений, а у нас этого не любят. Для бизнесменов легче за две недели обернуть деньги, провести какую-то финансовую операцию, чтобы не сказать аферу, а для правительства это показалось недостаточным государственным.

— Второй стороной в этом деле, естественно, была русская Америка?

— Я бы сказал, американо-русская, потому что, конечно, никому мы там со своей Россией не нужны. Мы нужны только тогда, когда нас боятся или когда этот испуг проходит. Вспомните «эпоху Горби». Но она прошла. Сама по себе Америка самостоятельна и самодостаточна. Русскоязычных каналов на американском телевидении хватает, но их нельзя называть каналами в полной мере. Просто многие богатые люди в Америке покупают эфирное время: кто-то из честолюбивых соображений, другие зарабатывают на этом. Объединив усилия, можно было бы сделать русскую программу, которая была бы интересна даже американцам. Ведь мы же смотрели новости Би-би-си, их музыкальные программы, ту же «Санта-Барбару»? Так неужели нам нечего предложить такого, чтобы и им было интересно?! Не спорю, может быть, эта моя идея утопична.

— Однако она не отбила у вас охоты на телевидение?

— Просто постепенно я понял, что меня волнует все, что связано с телевидением. Больше года я проработал на русском телевидении в Лос-Анджелесе, делал отдельные передачи здесь. И вдруг обнаружил у себя способности шоумена. Может быть, это излишне пафосно звучит, но я ощутил на себе весь комплекс эмоций — от волнения, выброса адреналина в кровь перед выходом на сцену или в эфир до эйфории, победы над зрителем, когда артиста бывает трудно увести со сцены... Но мне не нужно просто мелькать на экране — я же не певец какой-нибудь, у которого от этого поднимаются гонорары. У меня другие цели. Кстати, телевидение, если им заниматься всерьез, может и прокормить.

— Ваш совместный «Вернисаж» с Ильей Резником тоже родился в Америке или вас связывают какие-то другие нити?

— «Вернисаж» — это дело Ильи Резника, придуманное им и ведомое им же довольно удачно. Я был просто одним из участников, приглашенным на его «Вернисаж».

— Но если верить глазам и ушам, вы плотно сотрудничаете. Вы не верите в постоянство соавторов?

— Я люблю работать с одним поэтом, но любое постоянство не может быть длиною в жизнь. Тогда оно само себя съест. В творчестве нельзя все время находиться с одними и теми же людьми. «Периоды верности» у меня были с Леонидом Дербневым, до этого — с Юрием Рыженцевым, потом с Наумом Олевым — мы с ним дружим на протяжении всей жизни и возвращаемся друг к другу. Я думаю, что таким соавтором может стать и Илья Резник. Мы написали вместе около 30 песен, из них пока только четверть обнаружена.

— Кого же вы осчастливили?

— Мы написали альбом Татьяне Булановой, песни для Николая Караченцова, Михаила Боярского, создали новый дуэт «Ренессанс Рёдель». Но настоящие соавторство — это как любовь между мужчиной и женщиной. В какой-то период вы должны быть отданы друг другу. Если даже ты можешь делить любовь еще с кем-то, все равно ты будешь приходить к любимому человеку в ополовиненном, опустошенном виде. Или, во всяком случае, другой человек, зная об этом, будет так считать.

Если же мне начинают сбрасывать то, что не подошло кому-то другому, я чувствую себя закомплексованным. «Ну и что такого, если я поработаю с кем-то еще?» — говорят многие поэты. Не надо отказываться от работы, просто нужно произнести заветную фразу: «Сегодня у меня есть соавтор, и мне хотелось бы поработать с ним». И если хотят тебя, возьмут и соавтора. Тем более что он совсем недурен. Мне говорят: «Надо же — какой ты умный!», я отвечаю: «Я — опытный».

— Вы себя считаете в первую очередь поп-композитором?

— Как вам сказать... В общем-то я многостаночник, наверное, потому, что получил настоящее образование. У меня были великие учителя: Дмитрий Борисович Кабалевский (к нему можно по-разному относиться, но я считаю, что он незаслуженно забыт как композитор). Андрей Эшпай — интереснейшая личность. Заканчивал я у Тихона Хренникова, а еще учился в консерватории у Альфреда Шнитке. Проходил курс инструментальной, владения оркестром у Николая Ракова. С тех пор оркестр для меня — как фортепиано. Педагоги у меня были наилучшие. Сегодня мастер-класс с любым из них (увы, Николая Петровича и Дмитрия Борисовича уже нет в живых), один урок стоит больших денег, я столько за всю свою жизнь не заработал. Так что в этом никаких моих достижений нет, но я к этому стремился, старался учиться.

МАКСИМ ДУНАЕВСКИЙ,

Веч. Москва. — 1996. — 28 мая. — с. 5

Максим Дунаевский, композитор и с недавних пор шоумен (в хорошем смысле этого слова), живет там, где и должен жить, — в Доме композиторов. Ездит, как повелось в России, на «Москвиче». Еще ездит, как и положено человеку любознательному и творческому, за границу. В Америке пробовал себя года три в разных ипостасях, исключая традиционные — шоферство и посудомойство, без всякой претензии на жительство и на смену гражданства. У Дунаевского красивые мысли и привлекательная жена. Все, что нужно мужчине, чтобы быть интересным. Все, что нужно корреспонденту, чтобы почувствовать себя удовлетворенным.

КОТОРОГО МНОГО

— Создается впечатление, что сегодня никто не стремится учиться.

— Это ужасно. От этого масса бед. Умные есть люди, есть — талантливые, но все недоучки. Они не видят этого, не чувствуют, что над ними крыша, которая не дает им подняться выше. Они считают, что уже летают, а на самом деле они ползают. С моим образованием я могу работать в театре, писать мюзиклы, работать для кино, для оркестра и одновременно писать песни.

А вот песни писать не научишь — это дар. Многие уверяют, что они не хотят писать красивые мелодии: мол, слишком я левый для этого. Я считаю, что любой художник, любой гений может написать песню. Примеров этому масса. Я тоже был когда-то левым, авангардным, не признавал демократической музыки, пока не сказал себе: «Что же это я, шлягера не могу написать?». Тем более что подобные голоса в мой адрес уже раздавались. И в 1979 году я сел и написал «Пора-пора-порадуемся» — чтобы доказать другим, что и я умею.

— Но сегодня вы работаете на поп-поприще в удовольствии?

— Песня всегда меня привлекала. Но я над ней работал как над частью, составной в кино или в театре. Сейчас песня — наиболее перспективный жанр для композитора, которому не нужно пробиваться. Потому что «кина-то у нас нет, кинщик заболел», мюзикл за копейку с одним микрофоном на всех, с проводом, в котором все путались и падали со сцены, — уже не проскочит. С театром тоже сложно, на него тоже нужны большие деньги. Остается одно — песня и исполнитель, которому с тобой хорошо. И тебе хорошо.

— Вам хватает хороших исполнителей?

— Нет, не хватает. Их что-то совсем мало. Для меня хороший исполнитель — это в первую очередь обученный профессионал. Но тех, кто владеет всей палитрой, можно пересчитать по пальцам. Конечно, никто мне не запретит попробовать предложить песню Уитни Хьюстон. Мой агент соединится с ее агентом в Америке и попросит послушать. Вы можете себе представить, какой склад кассет там покорно ждет своей очереди? Это реально только теоретически. Я даже попыток делать не буду.

— Наверное, в американской попсе достаточно узок круг авторов?

— Как и у нас. Кто сейчас допустит до кормушки какого-нибудь бангладешского композитора?

— Как вы считаете, в нашей музыке — какой-то свой особый менталитет, который они не принимают, или, может быть, наоборот — как раз это им и интересно?

— Это им нравится, и очень часто. Они называют это «рашн майнер» — русский минор. Это уже своего рода музыкальный термин. Или диагноз — послушали и разошлись.

Но в конце концов любят же они Чайковского! Вся американская музыка вышла из Чайковского, а мы считаем его русским. При всем «рашн майнер» он писал великолепные мажорные мелодии потрясающей красоты.

У меня был такой случай. Один американский буржуа, владелец девяти отелей в Лос-Анджелесе, решил сделать в одном из них экзотическое шоу-варьете — «Русский джаз». И попросил меня показать ему, из какого материала можно было бы слепить весь этот джаз. Я принес Утесова (20–30-е годы) — то, что, по моему представлению, соответствовало. Он послушал и изумился: что вы мне показываете?! Это же американская музыка! Для него Исаак Дунаевский ничем не отличается от американца: мелодично, красиво, изобретательно. И только когда я поставил Блантера, знаменитый «Джон Грей», одесский мотивчик, он сказал: вот то, что мне надо. Русский джаз для американца — «У самовара я и моя Маша». Они не гнушаются однажды потешиться в русском ресторане, погудеть, выпить водки, на следующий день встать с большой головой и забыть об этом навсегда.

— С кем-то из наших певцов вы хотели бы поработать?

— Я сразу исключу из этого списка друзей — тех, с кем мне всегда приятно работать: с Боярским, с Караченцовым. Теперь это принято говорить в отношении президентов, но слово «харизма» употребляли прежде всего применительно к актерам. Они обладают той харизмой, которая притягивает независимо от того, спел Караченцов данную нотку правильно или неправильно. Но если у артиста этой харизмы нет (типичный случай), он должен петь идеально.

— А как же поиски имиджа, уж он-то, родимый, может вырвать, если артист голосом не вышел?

— Имиджмейкер — очень важная часть дела, когда есть что развивать, за что ухватиться. Если бы к знаменитому продюсеру Джонсу, выковавшему целую армию звезд мирового уровня, пришел кто-то из нашей певческой гвардии, он бы не взялся за него даже за хорошие деньги. Потому что не из чего ковать! А таких, как Караченцов, Гурченко, Боярский, — единицы, и их как раз прошляпили. К сожалению, они прошли уже свой пик, свое время, но они носят явную печать харизмы, звездности.

— Кто еще?

— Лариса Долина. Величайший мастер своего дела. Леонтьев — человек, для которого уже нет никаких секретов в области музыки, стиля. Меладзе — для меня лично это выдающийся певец сегодняшнего дня, который нашел свою линию, и, что удивительно, все это понравилось публике. У него великолепный продюсер, и он вполне достойно и вкусно раскрыт, по западным стандартам — не нахрапом. Игорь Наджиев — к сожалению, пока ему не сопутствует удача, но он молодой еще и врагов наживает по глупости, от ненужной конфронтации. Несомненно, Киркоров. Он владеет всем арсеналом, необходимым в музыкально-вокальной технике.

Среди баб-с... Я всю жизнь нахожусь в поиске женщин-певиц.

— Я намеренно возвращаю вас в поп-тусовку, ибо это образование нас не минуло. Как вам она? Находите ли вы общие черты в нашском шоу-бизнесе и американском?

— Пока что, на мой взгляд, это уродливый слепок с Америки, это игра в Голливуд. Самая первая и самая примитивная ступень развития. Мы все сегодня, как шлягеристы. Что они делают, чтобы песня запомнилась, врезалась в память? Они используют самый примитивный музыкальный прием — слепое повторение темы. Вот и мы пытаемся повторить. Пока плохо получается, потому что и ручки не те, и ножонки кривенькие. Мы еще еле-еле ходим, а уже хотим ездить на «Мерседесах». Они так роскошно выглядят в Калифорнии, и так жалко здесь, какие-то неухоженные, убитые дорогами, униженные. Для меня так же дико и непонятно выглядит человек, который поддуливает на шестисотом «Мерседесе» к описанному подъезду. Вот поэтому я езжу на «Москвиче».

Игра в хорошую жизнь тоже, наверное, к чему-то приведет. Ведь становимся же мы взрослее и серьезнее, вырастая из наших детских игр. Я этого не отвергаю, могу только поёрничать по этому поводу, что я и делаю в телепрограмме «Овация».

— Да, кумирам от вас достается.

— Я не сноб, но тусовка мне представляется чем-то вроде кукольного театра Карабаса-Барабаса. Роль директора этого театра у нас поочередно выполняет тот или иной шоу-бизнесмен: одергивает выходящих на сцену. А за кулисами снует шустрая толпа щелкоперов.

У нас нет музыкальной критики как таковой. Она умерла, превратилась в лихую «журналистику» околмузыкальной тусовки. Всерьез о музыке уже никто не пишет, все тоже только играют. Но игра игре рознь. Если в случае с Мадонной уместно писать о смене нарядов, о том, как она появилась в магазине на Родео-драйв с новым любовником, то сочинять подобное про Ирину Салтыкову — смешно. Этой певице надо подумать о других, более важных вещах, ей надо помочь стать певицей... Но у нас предпочитают ловить кайф в другом. Это печально.

— А себя вы не пробовали в продюсерстве?

— Мне это противопоказано. Я очень плохой бизнесмен. Я могу об этом рассуждать, знать все проблемы и недостатки, но на практике получается лажа. Я уважаю людей, которых называют продюсерами. Им приходится работать в условиях жесткого гнета со стороны государства, налогов, бандитов, артистов этих недоученных. Они их берут с улицы, возносят до небес, а потом эти артисты платят им черной неблагодарностью.

В Америке говорят, что все деньги в России. Конечно, они здесь. Здесь сегодня можно за неделю обжудить, облупить, обмануть и потом долго лежать на диване, упиваясь своим «достижением». Но мне этого не дано.

— Вы не участвуете в этой игре, вы — чужой в этой тусовке?

— Я не хочу себя над кем-то возвысить, упаси Бог! Но я все-таки вне тусовки, по-другому воспитан. Я считаю, что тусовки ничего не дают, это пустое времяпрепровождение. Лечь на дно — тоже, конечно, опасно. Это другая крайность. Просто нужно работать.

— Вы — трудоголик?

— Я им никогда не был и не буду. Мне жалко этих людей. Эй-Богу, непонятно, ради чего они работают. Было бы глупо не получить чего-то на этом свете. Я работаю для того, чтобы нормально жить. Поэтому развлекаюсь, общаюсь, с кем хочу, пью, ем и отдыхаю, как мне нравится, и трачу на все на это достаточно времени.

Многие говорят: я не отдыхал несколько лет. Ну и дурак! Я не говорю, что каждый год планирую себе отпуск на месяц. Просто в течение года я с удовольствием отвязываюсь: не впадаю в нирвану алкоголизма, наркотиков, а просто полностью отвлекаюсь от работы.

Люблю теннис, спорт вообще, могу погрузиться в какой-нибудь турнир, как-то уезжал за этим на неделю в Париж. Еще есть дача, куда можно позвать друзей и поразвлекаться, попеть, погорланить. Мои товарищи это уважают. Иногда я хожу в театр, на концерт. Но искусство в чистом виде меня не отвлекает. Обожаю ездить в гости, для меня это целое мероприятие. Я думаю об этом и готовлюсь уже с утра. А в клубах, на тусовках мне скучно: там шумно — ни тебе пообщаться, ни потанцевать, сиди и пей.

— Скажите, не лукавя, вы вернулись из Америки, потому что музыкой не могли там прокормить себя и семью, а занимаетесь чем-то другим посчитали азартным?

— Когда есть голова и (тьфу-тьфу!) еще немножко здоровья и ноги носят — я и себя, и семью обеспечу. Я, наверное, везде смогу прожить. Пожалуй, кроме Швейцарии. Места в этой кукольной декорации я бы себе не нашел.

Я не уверен, что могу всегда продержаться одной музыкой, но мне природа и еще что-то дала. В Америке я работал по вайшей, Юля, профессии: вел еженедельную колонку в газете, выступал на радио и телевидении.

— То есть вы — не белоручка?

— Ни в коем случае. Если жизнь заставляет, что же я, буду лежать, как Обломов, на диване и постепенно продавать подушки от Версаче?..